

О ФИЗИЧЕСКИХ И ПСИХИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ЛОПАРЕЙ

Лапландии, как уже было сказано, живет народ, называемый лапландцами или лопарями. От других северных народов лопари отличаются своим малым ростом. На эту особенность их указывали все исследователи. Павел Иовий в своем "Описании Московии" прямо говорит: "Лопари малого роста". Циглер в уже цитированном сочинении пишет: "Лопари среднего роста"; это же подтверждает и Дамиан Гоен: "Туземцы, населяющую эту область, среднего роста". К мнению этих иностранных авторов присоединяются и северные писатели. Олаф Магнус в кн. IV гл. 2 говорит: "Народ этот отличается малым ростом. Олаф Петерсон Ниурений: "Большинство лопарей среднего роста". В путевых записках Ломения, графа Бриенского, неоднократно говорится о "малорослом народе, живущем в Лапландии".

Исаак Фосс (Vossius) пишет об этом следующее: "Лопари, самоеды и другие северные племена отличаются нескладным, неуклюжим телосложением и малым ростом, и поэтому вынуждены влачить свое бедственное существование". Но, как мне кажется, люди, обладающие столь большими физическими недостатками, конечно, не могли бы делать то, что ежедневно совершается лопарями.

Наблюдая их, я лично не мог заметить ничего, что бы подтверждало мнение Ломения ("народ этот от природы уродлив"), – никакой диспропорции или уродства. По-видимому, не один я держусь этого мнения, кроме некоторых авторов, Олаф Магнус, например, даже считает красивыми лопарских девушек, в доказательство чего привожу следующую цитату из его сочинения: "Женщины и девушки этого народа отличаются плодовитостью и красотой, которую придают им природная белизна лица с живым и ярким румянцем". Близок к подобному описанию и Иоанн Торней: "Тело у лопарей белое, а женщины их довольно красивы". Не могу отрицать, что и мне самому часто приходилось видеть среди них женщин, привлекательной наружности.

Происходит это оттого, что женщины больше мужчин уделяют внимания уходу за своей внешностью, сохраняя таким образом свою природную красоту. Мужчины менее привлекательны не в силу природных особенностей, а из-за небрежности к себе и грубости своего образа жизни. На их наружность немало влияет необходимость подвергаться действию холода и непогоды чаще, чем женщины, бывать на открытом воздухе, неумение надлежащим образом защитить себя подходящей одеждой от вредных внешних влияний, а также постоянное пребывание в дыму и чаду убогих жилищ, в которых они живут. Неудивительно, что все это заметно отражается на их внешнем облике. Я думаю, что именно поэтому цвет лица мужчин бывает часто желтовато-бурым, о чем говорит Павел Иовий в уже цитированном сочинении: "Лопари – среднего роста, с темными приплюснутыми лицами". Ему вторит и Петр Клауд

в "Описании Норвегии": "Цвет кожи – темный, буроватый".

Если принять во внимание, что с самого младенчества они живут в дымных и тесных жилищах, то неудивительно, что естественная окраска кожи со временем изменяется.

Будучи малого роста, лопари кроме того отличаются худобой, встретить среди них толстого человека – редкость. Петр Клауд говорит о них так: "Народ этот худощав, нет в них надлежащего соку (succus)". По причине того же холода, который мешает им развиваться до надлежащей высоты, у них, вероятно, уменьшается и количество крови и жизненных соков. Кроме того, все отмечают у лопарей незначительный вес тела, связывая это обстоятельство с тем, что они употребляют в пищу очень мало соли.

"Они легче других, – говорит Олаф Петерсон, – потому что мало едят соли". Все эти основные физические особенности в равной мере присущи всему лопарскому народу.

Касаясь частных, следует указать, что головы у лопарей обыкновенно большие, лбы пологие, глаза голубые, впалые, носы короткие и плоские, отчего Иовий и говорит о "сплюсненном лице". Рот часто полуоткрытый и несколько выступающий вперед.

Иоанн Торней так описывает наружность лопарей: "Лица у них плоски, щеки худые, впалые, подбородок длинный. Головы большие с красными воспаленными глазами".

Волосы на голове короткие, прямые и редкие, борода тоже короткая и редкая, не вполне закрывающая подбородок. Цвет волос по большей части черный, не в пример прочим северным народам. "Волосы у обоого пола черны и жестки", – говорит Торней, а в другом месте замечает – волосы у большинства черны и редки, за все время я видел только одного лопаря со светло-русыми волосами".

Грудь у лопарей широкая, живот небольшой, бедра и голени стройны и удивительно быстры в беге, что как характерную особенность отмечает и Павел Иовий. Во всех членах чувствуется сила и мощь. Об этом пишет и Дамиан Гоен. А Петр Клауд говорит так: "Лопари гораздо сильнее других людей, особенно ясно видно из того, как они пользуются своими луками. Норвежец иногда натянет его с трудом едва лишь наполовину, они же делают это с легкостью и натягивают до самого конца".

Лопари отличаются не только силой, но и ловкостью, изворотливостью и быстротой в движениях. Еще Циглер рассказывал о том, что лопари настолько ловки, что, будучи опоясаны колчаном, с луком за плечами проскакивают через круг диаметром в один локоть. Впрочем, это относится, вероятно, лишь к каким-нибудь фокусникам, т.к. о подобной игре у этого народа мне не приходилось слышать. Зато состязания в беге, подъемы на недоступные скалы и на вершины высочайших деревьев представляют собой их ежедневные, излюбленные упражнения. Недаром

Иовий называет их быстроногими, и Скалигер в своих сочинениях говорит: "Мы знаем, что лапландцы отличаются большой силой и невероятной быстротой в беге".

Перейдем теперь от описания физических особенностей лопарей к описанию их душевных свойств, из которых станет понятной их склонность ко всевозможным суевериям и колдовству.

Когда мы увидим, как они живут в дремучих лесах, среди диких зверей, вне всякого общества, кроме лишь круга одной, замкнутой в себе семьи, удаленной от прочих, то не будем удивляться тому, что они прозябают в тьме диковинных суеверий (впрочем, о суевериях и обрядах лопарей мы еще поговорим в ином месте). Павел Иовий в своем "Описании Московии" говорит: "Лопари избегают столкновений с людьми из внешнего мира", а Олаф Магнус называет их малодушными: "Лопари малорослы и малодушны также".

Наконец, следует сказать, что народ этот пуглив и совсем не воинственен. Ежедневный опыт подтверждает это. Иоанн Торней, например, пишет: "Лопари всегда с отвращением и ужасом относились к военной службе", а Саму-

ил Реен добавляет: "Почти все лопари вовсе непригодны к военному делу. В них нет и следов воинственного мужества, а лишь трусость и малодушие". Причину такого малодушия многие видят в том, что вследствие холода и дурной пищи им не достает крови и жизненной силы (spirituum, духа), нужных для мужества. Это старая, всеми признанная истина: энергией и мужеством отличаются те, организм которых полон горячей крови и жизненного духа (жизненные силы у средневековых авторов), а у кого ощущается недостаток в них, тот легко поддается испугу и робости. Так говорит Варфоломей Коклес в сочинении под заглавием "Физиогномия": "Те, у которых тела от природы холодны, легко пугаются и робеют".

Вследствие этой трусости лопарского народа и в наше время ими не пользуются для военной службы. Лапландия не дает Швеции ни одного солдата, хотя они и вербуются по всем другим провинциям королевства. Так же обстояло дело и в прежние времена, как явствует из рекрутских списков за древние годы. Из этого видно, какую гнусную ложь представляет распущенная кем-то молва о том, что будто бы Густав Адольф в своих лагерях держал при себе силь-

ный отряд лапландцев, помогавших ему своими чарами одерживать победы над неприятелем.

Неудивительно, что тем, кто потерпел от него столько поражений, пришлось выдумать эту глупую басню для того, чтобы хоть чем-нибудь, кроме своей слабости, объяснить блестящие победы, одержанные над ними. Если бы в самом деле источником их были чары лопарей, как усиленно пытались эти люди уверить несведущих и легковверных, то неужто враги наши постеснялись бы войти в соглашение хотя бы с самим дьяволом и двинуть все адские силы против нас с большой готовностью, чем претерпеть те ужасные поражения, которые им были нанесены.

Еще раз повторяю, это – нелепейшая ложь, находящаяся в противоречии не только со всеми архивными документами и записями, из которых видно, какое количество, каких войск, из каких областей, под предводительством каких полководцев имел при себе Густав Адольф во время похода, но даже с самой природой лопарского народа, питающего отвращение к войне и не имеющего ничего общего с военным делом.

К этому следует еще прибавить, что они почти не способны жить вне пределов своей страны и, покинув ее, болеют, гаснут, не будучи в состоянии приспособиться к более мягкому климату и нашей пище, богатой солью, хлебом, всяким печеным и вареным, столь отличной от вяленой рыбы и сырого мяса.

Все это было неоднократно подтверждено повседневным опытом даже в нашей стране, в которую никто из лопарей не желает переселиться, каких бы благ ему не сулили, предпочитая жить у себя на родине, и если приходится ее покинуть, то очень скоро умирает. Тем более это относится к другим странам, еще сильнее отличающимся от Лапландии и местоположением и климатом.

Пример этого рода мы находим у Олафа Магнуса: "Однажды светлейший правитель Швеции Стен Стуре отправил в дар голштинскому герцогу Фридриху шесть северных оленей, приставив к ним для присмотра чету лапландцев, мужа и жену. Но люди и животные, перенесенные из привычных им условий и климата, лишенные возможности вести тот образ жизни, к которому они привыкли, захирели и умерли".

Правда, против моего утверждения о невоинственности лопарей мне могут возразить, приведя слова Циглера: "Этот народ очень силен и долго сохранял свою независимость, выдерживая натиск шведов и норвежцев", что повторил и Скалигер (Ехегс. 213), говоря о лапландцах как "о народе, упорно сопротивляющемся своим врагам". Как будто и у Петра Клауда есть указание на то, что "этот народ некогда был независим и не мог быть покорен норвежским королем Гаральдом Красивым, подчинившим своей власти все другие области" и что управлялась Лапландия в те времена неким королем Мотле.

Однако эта цитата из Петра Клауда, собственно, еще ничего не доказывает. По всей вероятности, он почерпнул свои сведения о древних временах из истории Снорре, который много говорит о Мотле и о его магическом искусстве, но ничего не упоминает о его воинской доблести, как видно из копенгагенского издания этой летописи, выпущенного в свет в 1633 г. Очевидно, и Циглер имел в виду тот же источник, т.к. других, относящихся к этой области, мы не знаем. В его (Циглера) время лопари уже были подчинены Швеции.

Мы можем еще обратиться к описанию войн, ведшихся в Биармии, считая биармийцев и лопарей одним и тем же народом. Описание их мы находим уже у Саксона Грамматика, но и в них мы не встретим указаний на особую воинственность и доблесть этого народа, скорее обратное.

Я приведу это место из сочинения Саксона Грамматика: "Биармцы, сменив силу оружия чарами, дикими песнями, ударили в свод небесный, и мигом на ясном до тех пор солнечном небе собрались тучи и полил проливной дождь". Из этого вовсе не видно, что народ этот долго сохранял свою независимость, которая давала бы право причислить его к воинственным народам.

Все, что сказано здесь о биармцах, с еще большим основанием может быть отнесено к лопарям, и утверждать противное мог бы лишь тот, кто счел бы возможным отвергнуть опыт столетий веков и извратить самую природу лопарского народа.

Кроме робости и трусости, присущей лопарям, они отличаются еще крайней подозрительностью. Это понятно: люди, осознающие свою слабость, готовы видеть опасность и козни всюду и поэтому с недоверием относятся ко всему окружающему. Об этом говорят Вексионий Гюльденстольне ("Описание Швеции") и Павел Иовий: "Лапландцы до крайности дики и подозрительны".

Из этой чрезмерной подозрительности проистекает другое их свойство, а именно склонность к действию исподтишка. Таким способом они стараются избавиться от грозящей, как им кажется, опасности путем нанесения вреда или уничтожения того, кто это воображаемое зло против них замышляет.

Отсюда их тайные искусства и скрытные махинации, связанные с колдовством и чарами, которые они напускают друг на друга по самому незначительному поводу.

"Часто случается, – говорит Петр Клауд, – что между ними возникают ссоры, во время которых каждый старается обойти другого". За этими словами у него следует удивительный рассказ о том, как один лопарь, долго и тщетно пытаясь повредить своему сопернику, владеющему такими же волшебными чарами, как и он сам, наконец, однажды сбросил на него громадную скалу, под которой тот уснул, оторвав ее от горы силою чародейского искусства.

Самуил Реен говорит о них: "Часть лопарей чрезвычайно склонна к тайным убийствам, которые и совершаются ими нередко с большой ловкостью". Вероятно, и Петр Клауд это имел в виду, говоря: "Они вспыльчивы и злопамятны, как будто унаследовали медвежью природу". Под медвежьей природой он подразумевает не смелость и дерзость, а предательскую хитрость и упорство в желании отомстить за нанесенную обиду.

Это именно эти качества наблюдал у них и Иоанн Торней, в особенности же у женщин. Я приведу его собственные слова по этому поводу: "Лопарские женщины, особенно преклонного возраста, терпеть не могут всяких перемен, передвижений и потрясений. Но если кто-нибудь рассердит их грубыми ли словами, ткнет ли в них пальцем или станет передразнивать их слова и жесты, они внезапно приходят в такую ярость, что иступленно кидаются на обидчика, рвут его за волосы, бьют чем попало и, не стесняясь даже присутствия кого-нибудь, пользующегося всеобщим уважением, в бешенстве своем обнажают то, что самой природой предназначено быть скрытым, производя впечатление одержимых безумием, совершенно потеряв-

ших рассудок". Лопари также большие мастера обманывать и проводить своих ближних, что происходит по той же основной причине, ибо еще Аристотель доказал, что хитрость, лукавство и тайные происки не уживаются с мужественным и смелым духом.

Иоанн Торней так пишет об этих свойствах лопарей: "Они любят обманывать и утаивать истину..." и дальше: "Во всех своих делах они хитры и лукавы, в торговле охотно прибегают к мошенничеству". Так же аттестует их и Самуил Реен: "Лопари хитры в делах, осторожны и вероломны", а Дамиан Гоен говорит: "В сделках лопари очень ловки и хитроумны". Впрочем, по-видимому, они не всегда были таковы. Павел Иовий утверждает о них совершенно противоположное: "С незнакомыми им людьми они искренни и честны". В таком же духе отзывается о них и Олаф Магнус: "Этот народ живет без всякой хитрости, заботясь лишь о том, чтобы избежать нужды. Погоня за наживой им совсем неизвестна, и в сделках они не умеют обманывать".

Может быть, с тех пор, будучи обмануты другими, из боязни попасться они сами стали хитрить и обманывать. Это свойство часто встречается у боязливых и подозрительных людей, научившись однажды опасаться чего-нибудь, они уже все силы прилагают к тому, чтобы в другой раз избежать этого.

Дело в том, что они не только хитры, но и злорадно хитры. Самуил Реен сообщает, что, обманув кого-нибудь, они потом долго насмеются и издеваются над обманутым, радуясь своей победе. Им, видимо, доставляет удовольствие сознавать, что хотя они и ниже других во многих отношениях, но иногда в свою очередь могут торжествовать победу. Вероятно, такую же утеху дает им и злословие по чужому адресу, которым они охотно занимаются. Самуил Реен говорит: "Злословие процветает у них, чуть соберутся вместе два или три лопаря и тотчас начинают злословить на чей-нибудь счет, перетолковывая на все лады его поступки". Особенно любят осуждать и бранить чуждые им народы. Впрочем, это не удивительно, нет, кажется, страны, и Лапландия тут не является исключением, которая бы не считала себя лучшей и первой в мире, превосходящей все прочие мудростью или доблестью.

К вышеупомянутым качествам лопарей надо прибавить еще ненасытную жадность, происходящую опять же из страха перед бедностью, темные стороны которой им очень хорошо известны, т.к. часто им приходится испытывать нужду в самом необходимом. Иоанн Торней так и замечает, что "от природы присуща им безграничная жадность".

Наконец, лень и нерадивость также являются отличительным свойством лопарей. Опять же причиной их, мне кажется, можно признать недостаток жизненной энергии, происходящей от недостаточного и дурного питания, вследствие чего они берутся за работу с большой неохотой.

Олаф Петерсон обращает внимание на то, что хотя некоторые местности Лапландии и могли бы возделываться, но из-за лени жителей вся страна остается девственной и дикой, покрытой нетронутыми лесами. "Любовь к безде-

лю, – говорит он, – отвращает их от земледелия и правильного скотоводства, они даже не помышляют об обработке тех плодородных участков страны, которые попадают местами и, проводя жизнь в гнусной лени, предпочитают терпеть нужду и лишения, чем регулярно трудиться".

Даже к добыванию пищи, т.е. к ловле и охоте, и ее приготовлению, поскольку это связано с затратой труда, они приступают нехотя и только под давлением крайней необходимости. Этим, на мой взгляд, объясняется их грубое и непочтительное обращение с престарелыми родителями и вообще с немощными стариками и больными. Они относятся к ним не только с презрением и умышленной невнимательностью, но даже и с ненавистью отчасти потому, что предпочитают завладеть сразу же наследством, если его можно получить не дожидаясь их смерти, отчасти и потому, что считают несносным и скучным заботиться о про-

питании бесполезных людей, которые им в тягость. Так, по крайней мере, они сами объясняли мне свое поведение во время моих бесед с ними.

А вот Иоанн Торней, долгое время живший среди лопарей, указывает на совершенно обратное: "Родителей они чтят надлежащим образом и даже с приближением старости избавляют их от всяких работ и обязанностей и до самой смерти окружают величайшей заботливостью, кормят, поят и дают им пристанище". Эти наблюдения были сделаны им среди торнеоских лопарей, и, я думаю, такое поведение может быть скорее объяс-

нено хорошим влиянием, чем природными их качествами, потому что я сам наблюдал как раз обратное у других их сородичей.

Остается отметить еще сладострастие, о котором Самуил Реен говорит следующее: "Лопари имеют склонность и к другим порокам, но в особенности сильную страсть к чувственным наслаждениям". В данном случае он расходится с мнением Вексиония, который утверждает, что прелюбодеев и развратников лопари ненавидят и сурово карают за их пороки.

Я согласен с тем, что высказано последним автором относительно прелюбодеев, и в дальнейшем постараюсь доказать правильность его слов свидетельством других авторов, но не считаю возможным отказать в достоверности и взгляду, высказанному Самуилом Рееном, человеком, долго жившим среди этого народа и живущим там до настоящего времени, тем более, что и Герберштейн в своем "Описании Московии" подтверждает слова Реена, говоря: "Хотя лопари и терпят нужду в соли, хлебе и других необходимых для пропитания предметах, но тем не менее со страстью предаются чувственным наслаждениям".

К этому следует прибавить повсеместную и невероятную жажду лопарей во что бы то ни стало иметь потомство, затем совместную жизнь всей семьи без различия пола и возраста, мужчин и женщин, стариков, юношей и девушек в одном и том же тесном жилище, где все спят вповалку и валяются вместе днем и ночью, из чего возникает тысяча возможностей предаться сладострастию.

Примеры такой распушенности мы видим также среди тех немногочисленных лопарей, которые, оставив родину ради школьных занятий, не только не подавляли своей чувственности, но, видимо, даже не считали ее пороком. Конечно, не везде дело обстоит одинаково в силу различия климатических или бытовых условий. Так, например, относительно торнеоских лопарей и Иоанн Торней высказывается в весьма благожелательном смысле: "Распутство и тайные половые связи редко встречаются в их среде, так что иногда проходят годы без того, чтобы приносили крестить незаконнорожденных детей". Против этого, конечно, можно возразить, что нет ничего удивительного в том, что потомство от этих связей бывает малочисленным у народа, не отличающегося вообще плодовитостью.

Покончив с отрицательными качествами лопарского народа, остановимся и на положительных его чертах. Прежде всего повторим то, что уже было сказано выше о соблюдении ими святости брачного союза. Об этом говорит Вексионий, почерпнувший, по-видимому, свои сведения у Бурей, подлинные слова которого таковы: "Нарушения супружеской верности редко встречаются у лопарей. Брак считается священным и соблюдается ими нерушимо." Иоанн Торней подтверждает это: "Святость брака охраняют ревностно, как и другие христианские народы". Также и Дамиан Гоен: "Они ревностно охраняют святость и нерушимость брачных уз". Еще один очень важный факт, что среди лопарей почти неизвестны кражи. Каждый спокойно владеет своей собственностью. "Кражи, – говорит Бурей, – очень редки среди лопарей, о них почти никогда не приходится слышать". Это подтверждает и Вексионий, и Торней, и Олаф Магнус. "Не только у лопарей, – говорит по этому поводу Бурей, – но даже и у купцов, ведущих с ними торговлю и перевозящих какие-нибудь товары, вошло в обычай спокойно оставлять их, прикрыв чем-нибудь для защиты от снега, и отправляться куда-нибудь далеко, даже надолго, нисколько не сомневаясь в том, что никто не тронет вещей до их возвращения".

Так обстоит это дело у этих людей, не имеющих ни городов, ни домов. Этот обычай стал для них необходимостью. Разумеется, если бы кражи в их среде были дозволены, то, не имея ни запоров, ни замкнутых помещений, они не смогли бы поручиться за целостность своих вещей и жизнь стала бы для них совершенно невыносимой.

К числу хороших качеств лопарей следует отнести их гостеприимство по отношению к странникам и беднякам, которым они охотно дают пристанище и которых часто кормят у себя довольно долгое время. "Лопари охотно принимают бедных, – пишет Торней, – и кормят их иногда целый год, иногда менее, смотря по состоянию, и по истечению этого срока на своих оленях отвозят к соседям".

Самуил Реен останавливается на этом еще подробнее: "Некоторые из них так милосердны и полны участия по отношению к обедневшим сородичам, что в случае если

какой-нибудь разорившийся лопарь, лишившийся своих оленей, приходит к более богатому и просит у него одного или двух или даже двадцать оленей для какой-нибудь работы, он редко получает отказ".

Добавлю еще, что лопари гостеприимны и к приезжим чужестранцам, также охотно предлагают ему ночлег в своем доме, пищу, какая у них есть, и любые свои услуги. "Чужестранцев и путешественников, – отмечает Иоанн Торней, – лопари встречают гостеприимно, предоставляя им кров и пищу, – словом, все, чем сами в данный момент располагают".

В описаниях мореплавателей, посещавших северные побережья, можно найти немало примеров того, как радушно и ласково принимали лопари потерпевших кораблекрушение, блуждающих по их стране путешественников. Об этом качестве лопарей есть упоминание и у Скалигера (Eхerc. 213): "Известно, что лопари не причиняют зла тем, кому оказывают гостеприимство".

Все вышеупомянутые качества должны почитаться похвальными добродетелями лопарей. В остальном, по сравнению с другими северными народами, лопари все же представляются наименее культурными и цивилизованными. Уже Павел Иовий назвал их "первобытным народом", так же и Вексионий в своем "Описании Швеции".

Но несмотря на некую "некультурность", лопари любят чистоту и часто моют водою лицо и руки. "Хотя они и живут в дымных шалашах, – говорит о них Самуил Реен, – но, несмотря на это, соблюдают чистоту, ежедневно тщательно умываясь водою, моют лицо и руки". А вот Иоанн Торней говорит прямо противоположное: "Многие лопари болеют чесоткой, т.к. редко умываются, волосы же на голове никогда не причесывают". Но это опять-таки относится лишь к торнеоским лопарям, среди которых он жил, что же касается других, то ничего подобного сказать о них нельзя.

Нельзя отказать лопарям и в умственных способностях, находящих применение в их повседневной жизни. Это особенно бросается в глаза, если учесть, что всю свою домашнюю утварь и орудия они изготовляют для себя сами, сами шьют себе одежду, делают обувь, изготовляют деревянные сосуды, орудия всякого рода, как для кочевья, так и для охоты, рыболовства и прочих промыслов. Некоторые из этих изделий не только хороши и полезны, но даже художественны, как будет видно из дальнейшего.

Кое-что они выделывают не только для себя, но и по заказам других людей. "Лодки, сети, всякую домашнюю утварь превосходно мастерят, – говорит о них Циглер, – и вывозят в соседние области".

Иоанн Торней говорит еще, что лопари отличаются прекрасной памятью и здравым смыслом. Впрочем, все эти качества лопарей выступают яснее при описании отдельных сторон их быта в тех главах, где мы подробнее остановимся на их промыслах, изделиях и т.п.

